

Жертвы своего страха: субъективная безопасность и опыт виктимизации в России¹

Веркеев Арсений Максимович

Магистр социологии; стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь, «Центр России, Восточной Европы и Центральной Азии» Университета Висконсин–Мэдисон.
Адрес: 192148, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.
Электронная почта: averkeev@ya.ru

Серебренников Дмитрий Евгеньевич

Магистр социологии; исследователь, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.
Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1 лит. А.
Электронная почта: serebrennikov.dmr@eu.spb.ru

В последние десятилетия криминологи во всем мире наблюдают снижение уровня преступности, особенно насильственной — так называемое «великое падение преступности». Однако фактическая безопасность может не соответствовать субъективной, т. е. тому, как люди воспринимают свою защищенность от различных угроз. В этой статье на материале всероссийского опроса жертв преступлений, проведенного Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2021 году, мы изучаем связь между страхом перед преступностью, социодемографическими и криминологическими характеристиками опрошенных. Эти данные позволяют оценить то, как связан опыт жертв различных преступлений (виктимный опыт) и их страх перед разными типами преступлений. Мы обнаруживаем, что связи между социодемографическими характеристиками и страхом перед преступностью в России в целом схожи с теми, которые наблюдаются в других странах. Вместе с тем мы выявляем ряд важных особенностей, касающихся жертв преступлений. Во-первых, виктимный опыт в среднем увеличивает уровень страха перед преступностью. Во-вторых, с чем более тяжкими инцидентами столкнулись люди в прошлом, тем выше их уровень страха перед преступностью. В-третьих, жертвы «классических» преступлений (например, краж или насилия) часто опасаются преступности в дальнейшем. Более того, жертвы имущественных преступлений склонны опасаться дальнейших имущественных преступлений, но не насилия. При этом жертвы насилия могут опасаться, помимо повторения насилия, также и имущественных преступлений. Тот факт, что инцидент был удаленным (с использованием интернета или телефона), не связан со страхом перед преступностью. Таким образом, страх перед очными и удаленными преступлениями жертвы переживают по-разному, что ставит более широкие вопросы о динамике субъективной безопасности и спросе на работу правоохранительных органов в будущем.

Ключевые слова: страх перед преступностью, виктимизация, виктимный опыт, субъективная безопасность, уличная безопасность, преступность в России, жертвы преступлений

1. Авторы благодарны за ценные комментарии к ранним версиям статьи участникам секции «Страх за поворотом: восприятие безопасности в городе и за его пределами» конференции «Тревожное общество и (не)возможности солидарности» (апрель 2022), участникам конференции «Wisconsin Russia Project 2022 Young Scholars Conference» (июнь 2022), участникам «Global Meeting on Law and Society» (июль 2022), участникам летней школы Института проблем правоприменения (июль 2022), а также редакции и рецензентам журнала «Социологическое обозрение». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90063.

В 1970-х годах в криминологии происходит поворот от изучения особенностей и предпосылок поведения преступников к фокусу на пострадавших от преступлений и последствиях преступности. Центральными фигурами исследований становятся не преступники, а их жертвы (Lewis, Salem, 1986: 3). В этот период появляются виктимизационные опросы — опросы населения, направленные специально на выявление жертв преступлений и получение детальной информации об их опыте (виктимном опыте). Именно опросы жертв позволили получить данные об объеме и структуре латентной преступности, т. е. преступности, по разным причинам не регистрируемой полицией и потому невидимой для статистики. Так, в США в 1960-х годах преступность начала расти согласно полицейским данным, а вот опросы показали, что с учетом латентной части преступлений совершается гораздо больше.

Далее преступность стали рассматривать не только с точки зрения издержек для конкретных людей, но и как бремя для общественного благополучия. Доверительным отношениям в обществе стала противопоставляться угроза, в качестве источника которой может выступать каждый встречный — преступность разобщает (Uslaner, 2013). Это породило спрос на эмпирические исследования восприятия людьми преступных угроз. Данную нишу заполнили исследования «страха перед преступностью» — так сложилось, что это скорее зонтичный термин, куда входят разные концепты и эмпирические стратегии.

Наша статья обращается к актуальным темам дискуссии о восприятии преступности, отвечая на вопрос о том, какие факторы связаны со страхом перед преступностью и чувством небезопасности у жителей России в зависимости от того, сталкивались ли они ранее с преступлениями и какими именно. Среди рассматриваемых нами факторов — как основные социоэкономические параметры (возраст, гендер, брачный статус, образование, доход, проживание в городе), так и те, что позволяют детальнее учесть положение респондентов и которые реже встречаются в литературе (наличие работы, наличие судимости, различные характеристики виктимного опыта).

Опыт столкновения с преступностью является ключевым фактором того, каким образом человек будет воспринимать преступность в дальнейшем. Одновременно с этим это один из самых противоречивых факторов. Во-первых, преступность бывает разная, и она закономерно по-разному влияет на людей. Более того, один и тот же тип преступления может быть совершен разными способами, наносящими больший или меньший ущерб жертве. Во-вторых, виктимный опыт может приводить как к повышению страха перед преступностью, так и к снижению. При этом виктимный опыт может иметь разный по протяженности во времени эффект — долгосрочный или краткосрочный, в зависимости, к примеру, от серьезности пережитого опыта. Все это говорит о потребности в новых, более детальных объяснениях феномена восприятия преступности.

Мы используем данные всероссийского опроса жертв преступлений, проведенного в 2021 году Институтом проблем правоприменения при Европейском

университете в Санкт-Петербурге (Knorre, 2022). Мы раскрываем потенциал этих данных, анализируя по отдельности две подвыборки респондентов: тех, кто назвал себя жертвами преступлений, в сравнении с теми, кто этого не сделал. До сих пор столь подробного анализа восприятия преступности на российском материале не проводилось, в первую очередь в силу ограничений существующих данных: использования неподходящих формулировок вопросов или выборок, недостаточных по охвату либо способу отбора респондентов. По этой же причине — малого числа качественно проведенных виктимизационных опросов — такой подробный анализ редко встречается на материале других стран.

Отдельно отметим, что в предшествующих работах остро стоит методологический вопрос о том, как содержательные результаты анализа зависят от подхода к измерению страха перед преступностью. Учитывая то, как по-разному в литературе операционализируется страх перед преступностью, мы считаем критически важным подробно описать, какие именно индикаторы мы используем, чему будет уделено отдельное внимание в разделе о данных и методах.

Мы обнаруживаем, что то, как страх перед преступностью связан с социодемографическими и криминологическими характеристиками людей, в целом совпадает с тем, что можно наблюдать на материале других стран. При этом на российском материале мы делаем наблюдение, связанное с восприятием жизни в сельской местности как более безопасной самими местными жителями. Также мы делаем ряд находок в отношении виктимного опыта. Он ожидаемо повышает страх перед преступностью, и с ростом тяжести инцидента растет страх. Однако эффект разных типов пережитых преступлений отличается при ответах на разные вопросы о страхе. Особенно характерно, что жертвы удаленных преступлений (через телефон и интернет) отвечают на вопросы о страхе так же, как и не-жертвы, в отличие от пострадавших от «классических» преступлений (например, разбоев, краж), сообщающих о меньшей безопасности. Ввиду трансформации общей структуры преступности это указывает на возможные изменения в субъективной безопасности и спросе на работу правоохранительных органов в будущем.

В начале статьи мы рассказываем о состоянии исследований страха перед преступностью в мире и России на настоящий момент, кратко затрагивая дискуссию об использовании различных эмпирических индикаторов при изучении этого явления. Далее мы описываем наши данные и методы. Затем мы приводим результаты и их интерпретацию в контексте предыдущих исследований и специфики восприятия людьми разных типов преступлений.

Виктимный опыт и страх перед преступностью

Виктимный опыт часто используют как стандартный предиктор страха перед преступностью — и соответствующий вопрос аккомпанирует в анкетах вопросам о страхе. Влияние виктимного опыта на страх кажется довольно прямолинейным: жертвы преступлений как непосредственные носители травматичного опыта име-

ют более обоснованные причины беспокоиться о его повторении, чем те, кто такой опыт лично не переживал. В самом деле, многие авторы заключают, что факт виктимизации положительно связан со страхом перед преступностью (Collins, 2016; Rader, 2017).

Однако не все так просто: конкретные механизмы влияния виктимного опыта на восприятие преступности остаются недостаточно изученными. В частности, из-за того, что часто виктимный опыт упрощенно понимают как бинарный признак — человек либо был жертвой преступления в прошлом, либо нет. Бинарное понимание виктимизации упускает из виду качественные различия между людьми с отличающимся виктимным опытом (Abbott et al., 2020: 885). Зачастую из такого подхода следует ситуация, когда изучается опыт столкновения с преступностью «в целом» и его связь со страхом перед преступностью «в целом», что накладывает большие ограничения на выводы исследования (Rountree, 1998: 346). Давность виктимизации в существующих исследованиях также часто не учитывают, как и ее регулярность, хотя эти факторы могут влиять на восприятие жертвой как собственного виктимного опыта, так и возможного столкновения с преступностью в будущем (Scherg, Ejrnaes, 2022).

Большее внимание к характеристикам виктимизации способно дать гораздо больше информации о том, как именно она могла поспособствовать страху перед будущими преступлениями. Виктимный опыт исключительно разнообразен. Скажем, если у вас украли кошелек в метро, то будете ли вы опасаться повторения именно этого преступления, или имущественных преступлений в целом? Появятся ли опасения насчет насилия? Не породит ли этот случай страх перед определенными местами или ситуациями? Станете ли вы себя иначе вести? А может быть, ваше восприятие безопасности и преступности никак не изменится? Ответы на эти вопросы на самом деле неочевидны и требуют эмпирического подхода, учитывающего как параметры виктимизации, так и страх по отношению к различным типам угроз и ситуаций, а не к абстрактной преступности (Kury, Ferdinand, 1998).

Например, ранее показано, что жертвы насилия сообщают о страхе и перед насилием, и перед домовыми кражами, тогда как жертвы домашних краж говорят только об этом виде преступности, но не о насилии (Rountree, 1998: 364). На другом материале, собранном на уровне жилых районов, виден результат, несколько противоречащий приведенному: удельное число имущественных преступлений в районе связано с повышенным страхом перед имущественными же преступлениями в нем, тогда как для насильственных преступлений нет аналогичной связи со страхом насилия (Camacho Doyle et al., 2022). В дискуссии о принципах взаимодействия между виктимизацией и восприятием преступности нет четкого консенсуса даже в отношении базового разделения на имущественную и насильственную

2. Отдельная сложность со страхом перед преступностью у жертв краж заключается в том, что нельзя украсть одну и ту же вещь два раза. Т.е. если у вас украли вещь, которая была у вас в одном экземпляре, то опасаться повторения именно этого преступления в принципе невозможно до тех пор, пока вы не приобретете другую аналогичную вещь или не вернете вашу.

преступность, поэтому остро необходимы новые исследования, и желательно — основанные на новых данных из малоизученных стран. Настоящая статья призвана именно в этом ключе дополнить существующую дискуссию.

Другой аспект, опосредующий связь виктимизации и страха, это социоэкономический статус жертвы. Например, кража дорогой сумки у образованной обеспеченной женщины сильно отличается по своим социальным условиям и последствиям от побоев, нанесенных мужчине с низким уровнем образования и дохода. Также и уровень страха отличается в зависимости от социоэкономического статуса (Rader, 2017).

При этом нельзя сказать, что каждое преступление абсолютно уникально (что не умаляет их важность для пострадавших). В том, как и где совершаются преступления, есть общие закономерности, что позволяет категоризировать преступность. Категории преступлений можно разграничить, например, опираясь на качественные различия между типами виктимизации. Классическое подразделение на имущественную и насильственную преступность со временем обросло новыми деталями. Самая заметная из них вызвана технологическим развитием. Дело в том, что, несмотря на «великое падение преступности», т. е. снижение среднего числа преступлений во всем мире (van Dijk et al., 2022), происходит расцвет преступлений, связанных с технологиями: интернетом, мобильной связью, системами хранения данных (Серебренников, Титаев, 2022). Поскольку коммуникаций, опосредованных технологиями, становится все больше, то растут и возможности для совершения преступлений с помощью технологий. С распространением банкоматов и безналичных расчетов участился кардинг — мошенничество с банковскими картами. Телефон и интернет позволяют мошенникам убедить людей выполнить нужные действия на дистанции или же украсть личные данные с помощью взлома. Стали возможны и такие действия, как навязчивое преследование человека в Сети (киберсталкинг), обман под видом романтических отношений в интернете (romance scam) и распространение личной информации без согласия владельца. Такие действия все еще в новинку даже для развитых юрисдикций, и продолжаются споры о том, как юридически квалифицировать те или иные действия в интернете.

Важный криминологический признак этих преступлений — отсутствие очного контакта между жертвой и злодеем, из-за чего такие преступления можно собирательно называть «удаленными». И хотя такое классическое преступление, как кража (понятая как тайное хищение имущества), тоже не предполагает очного контакта, контакт все-таки присутствует, но непрямой, отложенный во времени — в теории у жертвы есть шанс застать вора в процессе совершения преступления. Удаленные же преступления чаще всего происходят целиком и полностью на расстоянии. По этой причине они считаются менее тяжкими с криминологической точки зрения: в среднем насильственная преступность более тяжкая, чем имущественная, а контактная имущественная преступность более тяжкая, чем удаленная имущественная (Kury, Ferdinand, 1998).

Также удаленные преступления отличает от «очных» неосязаемость потери. При краже личных вещей (например, кошелек) человек переживает опыт физического вторжения в личное пространство. Однако при телефонном звонке мошенников такого вторжения не происходит, преступление совершается с помощью дистанционной коммуникации. Соответственно, в том, как переживается опыт очной и удаленной преступности, есть различия, которые можно ожидать и в паттернах страха перед разными типами преступности. О таких различиях в существующей литературе до сих пор сказано мало.

Другой способ категоризации преступлений — не разделение на разные типы, а учет тяжести преступлений, понятой уже не качественно, а количественно³. В этой связи исследования показали, что тяжесть виктимизации (в криминологическом смысле — как тяжесть переживаемого жертвой опыта) положительно связана со страхом перед преступностью (Abbott, McGrath, 2017). Однако согласно ряду авторов, виктимизация может способствовать, наоборот, снижению страха перед преступностью. Такой эффект может производить не слишком значительный по тяжести виктимный опыт (Ditton, Duffy, 1983: 164; Scherg, Ejrnaes, 2022). Вероятно, это происходит благодаря тому, что виктимный опыт делает преступность более знакомым и понятным явлением, а одним из факторов страха как раз является неизвестность и высокая неопределенность в отношении чего-либо. Другая причина — влияние изменений в поведении жертвы после инцидента на ее восприятие преступности. Проще говоря, если жертва целенаправленно повышает уровень своей безопасности, то она, следовательно, и чувствует себя более защищенной⁴.

В силу вышеописанной сложности феномена страха перед преступностью его исследователи всегда сталкивались с проблемой измерения, что породило разнообразные способы операционализации и формулировки анкетных вопросов. В крупных опросных проектах сложилась конвенция о трех стандартных индикаторах, которые используем и мы (см. раздел о данных). Это вопросы об уличной безопасности, о страхе перед вторжением в дом и страхе перед нападением. Современные эмпирические исследования во многом опираются именно на них.

3. Есть разница между юридической квалификацией тяжести проступка и криминологическим пониманием тяжести виктимизации. Например, понятие тяжести виктимизации неприменимо к продаже нелегальных наркотиков из-за отсутствия потерпевших, однако юридическая квалификация тяжести проступка предусмотрена.

4. Так случилось с одним из авторов, у которого украли велосипед в период работы над этой статьей (позже велосипед удалось вернуть). Опасался ли он кражи велосипеда до того, как она случилась? Так сказать нельзя, потому что он в принципе не слишком задумывался об этом. Однако можно сказать, что уже после свершившейся кражи он не опасается ее повторения, начав пристегивать велосипед двумя прочными замками вместо одного замка похуже, т. е. изменив свое поведение. Добавим, что здесь мы оказываемся на теоретическом распутье: покупку прочных замков, в зависимости от подхода к операционализации, можно назвать либо индикатором наличия опасений, либо инвестицией в снижение этих опасений, после совершения которой их следует считать сниженными или полностью устраненными.

Вопрос об уличной безопасности, впервые примененный в период политики «войны с преступностью» в США в 1960-е годы, присутствует в анкетах и сегодня: «Представьте, Вы идете в одиночестве после наступления темноты в районе, где Вы живете. Насколько безопасно Вы себя чувствуете в такой ситуации?» Нетрудно заметить, что в этом вопросе нет прямой отсылки ни к страху, ни к преступности, есть лишь намек. Эта нестыковка послужила началу дискуссии о валидности индикаторов страха перед преступностью. Ученые стали культивировать более осторожный подход к интерпретации результатов (Baumer, DuBow, 1977; Ferraro, LaGrange, 1987; Hollway, Jefferson, 2012: 7–25), полученных с использованием как разных индикаторов, так и их объединения в общие индексы на основе среднего значения или суммы ответов (Barni et al., 2016; Krulichová, 2019; Vauclair, Bratanova, 2017; Visser et al., 2013). В пользу последнего решения говорит то, что индекс сокращает ошибку измерения (*measurement error*), свойственную опросам. В то же время главный его недостаток состоит в усложнении смысловой интерпретации результатов.

Преыдущие исследования в России

Попытки детального рассмотрения страха перед преступностью в России немногочисленны. На этом фоне и страх в связи с виктимным опытом на российском материале подробно не исследовался, о чем говорят обзорные тексты (Налла, Гуринская, 2018). Существующие эмпирические работы имеют некоторые ограничения: в них используется либо недостаточно подробный опросный инструментарий, либо узконаправленные выборки, не способные репрезентировать население страны.

В первом случае можно обратить внимание на работы, которые опираются на общероссийские выборки, но в то же время в них применяются слишком широкие формулировки анкетных вопросов, не позволяющие однозначно интерпретировать ответы на них. К примеру, в вопрос «В какой степени Вы чувствуете себя защищенным(ой) от преступности?» (Nemirovskiy, Nemirovskaya, 2015) не вложено принципиальное разделение на насильственную и имущественную преступность. Несмотря на репрезентативную для страны и некоторых ее регионов выборку, анализ восприятия безопасности на таких данных возможен только в самом общем ключе: в 2010 году 62% жителей России ответили, что чувствуют себя совсем (28%) или скорее (34%) незащищенными от преступности (скорее защищены — 12%, полностью защищены — 6%, трудно сказать — 20%) (Nemirovskiy, Nemirovskaya, 2015: 72).

Существуют и обратные примеры, когда вопросы конкретны, но выборка слишком узкая. Так, в одном опросе российских студентов использованы формулировки о личной безопасности в разных пространственных контекстах: на улице в темное время суток и дома в темное время суток (Nalla, Gurinskaya, 2022). Другой опрос студентов использовал вопросы, указывающие на конкретные типы

преступлений: «Я боюсь стать жертвой имущественного преступления», «... насильственного преступления», «...террористического акта» (Gurinskaya, 2020). Результаты исследований на выборках студентов, хотя они могут включать конкретизированные формулировки вопросов, нельзя распространить на население страны.

На данных опроса в Краснодарском крае было найдено, что страх перед имущественными преступлениями относительно низок в сравнении с тяжкими насильственными. Также — что мужчины реже женщин говорят о боязни насилия, тогда как опасения имущественных преступлений распределены между ними одинаково (Konyakhin, Petrovskiy, 2016: 343). Эти выводы выглядят как потенциально важные для дальнейших исследований страха перед преступностью в России. Однако выборка этого опроса имеет ограничения даже для генерализации выводов в отношении жителей Краснодарского края, т.к. почти наполовину (908/2023) состоит из работников бюджетной сферы и полицейских, а сбор данных шел в течение пяти лет (Konyakhin, Petrovskiy, 2016: 341).

А. Бек и А. Робертсон (Beck, Robertson, 2003) использовали опросные данные из трех российских городов в попытке измерить опасения по поводу преступности в целом и отдельных типов преступлений. Однако их результаты невозможно экстраполировать за пределы изученных городов. Кроме того, в исследовании не учтено, что русская языковая практика обычно опускает различия между преступлениями формально разными, но принадлежащими к одному типу (напр., имущественными). Из-за этого без дополнительных пояснений часто невозможно установить, о каком именно преступлении идет речь. Две фразы — «меня ограбили» и «мой кошелек украли» — могут указывать на один и тот же инцидент, несмотря на то что формально первое — ограбление, а второе — кража. Это составляет трудность для получения точных опросных данных по конкретным преступлениям.

Кроме того, по сравнению с США и Соединенным Королевством (на материале которых развивались исследования виктимизации и страха) в России существует ряд особенностей структуры преступности. В стране наблюдается низкий уровень пространственной сегрегации. В американских городах (а страх перед преступностью — это преимущественно городской феномен (Rader, 2017)) объективно бедные районы могут соседствовать с богатыми и, как правило, фиксируется разделяемая горожанами иерархия обеспеченности и безопасности районов города. В России города в основном устроены иначе — пространственная сегрегация менее выражена, проблема расовой сегрегации стоит гораздо менее остро, отсутствует проблема гетто как неблагополучных изолированных районов (Чернышева, 2019). Также в России восприятие преступности неизбежно связано с особенностями устройства жилья, отличающегося от типового американского большей этажностью и более высокой плотностью заселения (Тыканова, Тенишева, 2021). Насилие в России сосредоточено не на улицах, а преимущественно внутри жилых пространств: 88,6% насильственных преступлений

совершаются под крышей домов, а не в публичных местах (Титаев, 2019: 12). Все эти характеристики необходимо держать в голове, однако существующие исследования тяготеют к рассмотрению восприятия преступности в России вне этого контекста.

Вопросы о восприятии преступности также задавались в Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) и в российских волнах Европейского социального исследования (ESS). Однако в обоих опросных проектах все три вопроса включались в анкету одновременно последний раз в 2010 году, из-за чего исследователи склонны фокусироваться на анализе индикатора об уличной безопасности (Веркеев, 2021; Козырева, Смирнов, 2019), наиболее представленного в свежих данных и одновременно с этим наименее прямолинейно затрагивающего тему преступности.

RLMS–HSE и ESS объединяет то, что это проекты общего профиля, что не позволяет полноценно контролировать релевантные для исследуемой темы факторы, такие как опыт виктимизации. Хотя вопросы о виктимизации в опросах общего профиля встречаются нередко, они сформулированы широко и затрагивают виктимный опыт не только респондента, но и членов его семьи, что не позволяет адекватно оценивать долю жертв преступлений среди населения. Есть еще одно важное обстоятельство. В отличие от опросов общего профиля, в виктимизационном опросе вопросы о страхе перед преступностью подаются вместе с целой анкетой о преступности. Контекст, в котором задаются вопросы, а именно тематика остальных вопросов анкеты, может влиять на ответы респондентов.

Данные и методы

Данными для исследования послужили результаты второго всероссийского опроса жертв преступлений (Russian Crime Victimization Survey, RCVS), проведенного в 2021 году Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге⁵. Всего был опрошен 14 431 респондент, из которых 3002 назвали себя жертвами преступлений. Опрос проводился по простой случайной выборке мобильных телефонов по технологии Computer Assisted Telephone Interview и репрезентативен для населения России по основным социодемографическим показателям (Серебренников, Титаев, 2022). Благодаря свежести данных, масштабу, а также фокусу на опыте жертв преступлений опрос RCVS является наиболее актуальным, позволяющим точнее отделять жертв от не-жертв в популяции, учитывать качественные различия в опыте жертв, и генерализировать результаты как на все население России, так и на группы жертв преступлений по отдельности.

5. Впервые этот опрос проведен в 2018 году, и его методология в 2021 году сильно не изменилась. Одним из нововведений стало добавление вопросов о восприятии преступности. Подробное описание методологии: Verkееv и др., 2019. Данные размещены в открытом доступе, см.: Khotin, 2022.

В начале интервью респондентам задавался главный вопрос-фильтр о том, происходили ли с ними за последние пять лет случаи, которые можно классифицировать как преступления. Утвердительный ответ на этот вопрос — критерий, по которому сформирована подвыборка из 3002 жертв преступлений. В случае утвердительного ответа собеседникам задавалось большое число вопросов об обстоятельствах последнего по времени инцидента.

Понятие «жертва преступления» мы трактуем не в юридическом, а в социологическом смысле. Это значит, что респондент не обязательно может являться потерпевшим с точки зрения писаного права, но может считать, что стал жертвой преступного посягательства. Это не умаляет важности изучения таких случаев, поскольку они отражают то, как обычные люди, а не профессиональные юристы, воспринимают свои права и границы безопасности личности и имущества. Для краткости мы называем жертвами всех респондентов, утвердительно ответивших на вопрос-фильтр.

В завершение беседы всем респондентам, включая не-жертв, задавались вопросы об их социодемографическом статусе, а также три вопроса об ощущении безопасности и страхе перед преступностью, которые мы используем в качестве зависимых переменных. Приведенные ниже ответы кодировались в виде четырехбалльных шкал, где «В полной безопасности» и «Никогда» имели значение 1, а «Совсем не безопасно» и «Почти всегда» — 4.

1. Представьте, Вы идете в одиночестве после наступления темноты в районе, где Вы живете. Насколько безопасно Вы себя чувствуете в такой ситуации?

- В полной безопасности.
- В относительной безопасности.
- Скорее небезопасно.
- Совсем небезопасно.

2. Как часто Вас беспокоит мысль о том, что Ваш дом или квартиру могут ограбить или обокрасть?

- Постоянно или почти всегда.
- Довольно часто.
- Иногда, временами.
- Никогда.

3. Как часто Вас беспокоит мысль о том, что Вы можете стать жертвой нападения?⁶

Сложность при анализе этих трех вопросов состоит в том, что, по мнению ряда ученых, последние два из них измеряют страх перед преступностью, который концептуально неэквивалентен чувству небезопасности на улице из первого вопроса (Ferraro, LaGrange, 1987). Однако некоторые заявляют об отсутствии такого различия, поскольку все три вопроса на самом деле освещают разные стороны одного и того же феномена — страха перед преступностью (Hummelsheim

6. Варианты ответа как для предыдущего вопроса.

et al., 2011; Kujala et al., 2019). Одним из распространенных решений стал индекс страха перед преступностью (FoC-индекс, от англ. Fear of Crime). Индекс сводит к одному показателю ответы респондентов на разные вопросы о восприятии преступности и безопасности (Barni et al., 2016; Vauclair, Bratanova, 2017). Для корректного сопоставления индекса с основными вопросами, представленными в виде шкал, мы создаем индекс как шкалу путем сложения значений уровней (от 1 до 4) основных трех вопросов, после чего отнимаем из итогового значения 2, чтобы минимум в шкале был равен 1, а максимум 10. При создании индекса на данных RCVS мы исключили 917 наблюдений (среди которых 163 жертвы), где респонденты затруднились ответить хотя бы на один из трех вопросов. Описательные статистики зависимых переменных представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

В анализе мы будем сравнивать две подвыборки респондентов между собой: тех, кто назвал себя жертвами преступлений, и тех, кто этого не сделал. Есть две причины для такого разделения. Во-первых, непосредственно виктимный опыт может влиять на то, как воспринимаются новые преступные угрозы (Abbott, McGrath, 2017). Во-вторых, влиять может тот факт, что для жертв и не-жертв различались коммуникативные ситуации интервью. Не-жертвы отвечали на вопросы о страхе перед преступностью после краткого блока вопросов о социодемографическом статусе, тогда как жертвы сначала около 7 минут отвечали на чувствительные вопросы о своем виктимном опыте, что могло привести к смещению.

Таблица 1. Описательные статистики зависимых переменных для трех выборок (всех респондентов, жертв и не-жертв). Для категориальных переменных указано число наблюдений по категориям и процент в выборке (в скобках). Для количественных — арифметическое среднее и стандартное отклонение (в скобках).

Переменная	Распределение переменной	Все респонденты (n=13001)	Жертвы (n=2763)	Не-жертвы (n=10238)
Индекс страха перед преступностью (представлен как количественная переменная)	Среднее (станд. отклонение)	2,8 (1,74)	3,52 (1,98)	2,61 (1,61)
	Медиана [минимум, максимум]	2 [1, 10]	3 [1, 10]	2 [1, 10]
Представьте, Вы идете в одиночестве после наступления темноты в районе, где Вы живете. Насколько безопасно Вы себя чувствуете в такой ситуации?	В полной безопасности	5436 (41,8%)	824 (29,8%)	4612 (45,0%)
	В относительной безопасности	5522 (42,5%)	1305 (47,2%)	4217 (41,2%)
	Скорее небезопасно	1289 (9,9%)	402 (14,5%)	887 (8,7%)
	Совсем небезопасно	754 (5,8%)	232 (8,4%)	522 (5,1%)

Как часто Вас беспокоит мысль о том, что Ваш дом или квартиру могут ограбить или обокрасть?	Никогда	7779 (59,8%)	1259 (45,6%)	6520 (60,9%)
	Иногда, временами	4371 (33,6%)	1142 (41,3%)	3574 (34,9%)
	Довольно часто	545 (4,2%)	218 (7,9%)	286 (2,8%)
	Постоянно или почти всегда	306 (2,4%)	144 (5,2%)	138 (1,3%)
Как часто Вас беспокоит мысль о том, что Вы можете стать жертвой нападения?	Никогда	7322 (56,3%)	1082 (39,2%)	6240 (60,9%)
	Иногда, временами	4909 (37,8%)	1335 (48,3%)	3574 (34,9%)
	Довольно часто	500 (3,8%)	214 (7,7%)	286 (2,8%)
	Постоянно или почти всегда	270 (2,1%)	132 (4,8%)	138 (1,3%)

Независимые переменные в нашем анализе можно разделить на два блока. К первому относятся различные социодемографические характеристики респондентов. Гендер — мужской или женский. В браке респондент или нет. Возраст — число полных лет начиная с 18. Проживает респондент в городе или нет. Имеет высшее образование или нет⁷. Также используются переменные об оценке собственного дохода респондентами как высокого, наличия опыта виктимизации за последние 5 лет, наличия работы и наличия судимости. Субъективный доход означает ответ респондента на вопрос о том, что он может себе позволить по шестибальной шкале от «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты» до «Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое». Ответы были перекодированы в бинарную переменную — принадлежит ли респондент к двум самым высоким категориям или нет.

Второй блок — переменные, рассказывающие о деталях инцидентов, случившихся с респондентами подвыборки жертв. Опираясь на формальные признаки, в данных можно выделить четыре крупных типа преступлений: насильственные (нападения, разбои, грабежи), обычные имущественные (кражи, мошенничества), удаленные преступления (онлайн- и телефонные мошенничества, а также кражи денег со счетов), покушения на удаленные преступления (попытка удаленного преступления, которая была распознана респондентом, в результате чего он не понес никакого ущерба, однако считает себя жертвой преступления) (Серебрянников, Титаев, 2022). Бинарные переменные о принадлежности инцидента к тому или иному типу включены в модели для подвыборки жертв. Распределения независимых переменных можно найти в таблице S1 в приложении.

7. Превращение переменных населенного пункта и образования в порядковые переменные (население, последняя ступень полученного образования) может повлечь нелинейные и сложнообъяснимые эффекты. В то же время, как известно из предыдущих публикаций (Rader, 2017), высшее образование и проживание в городе — значимые предикторы страха перед преступностью.

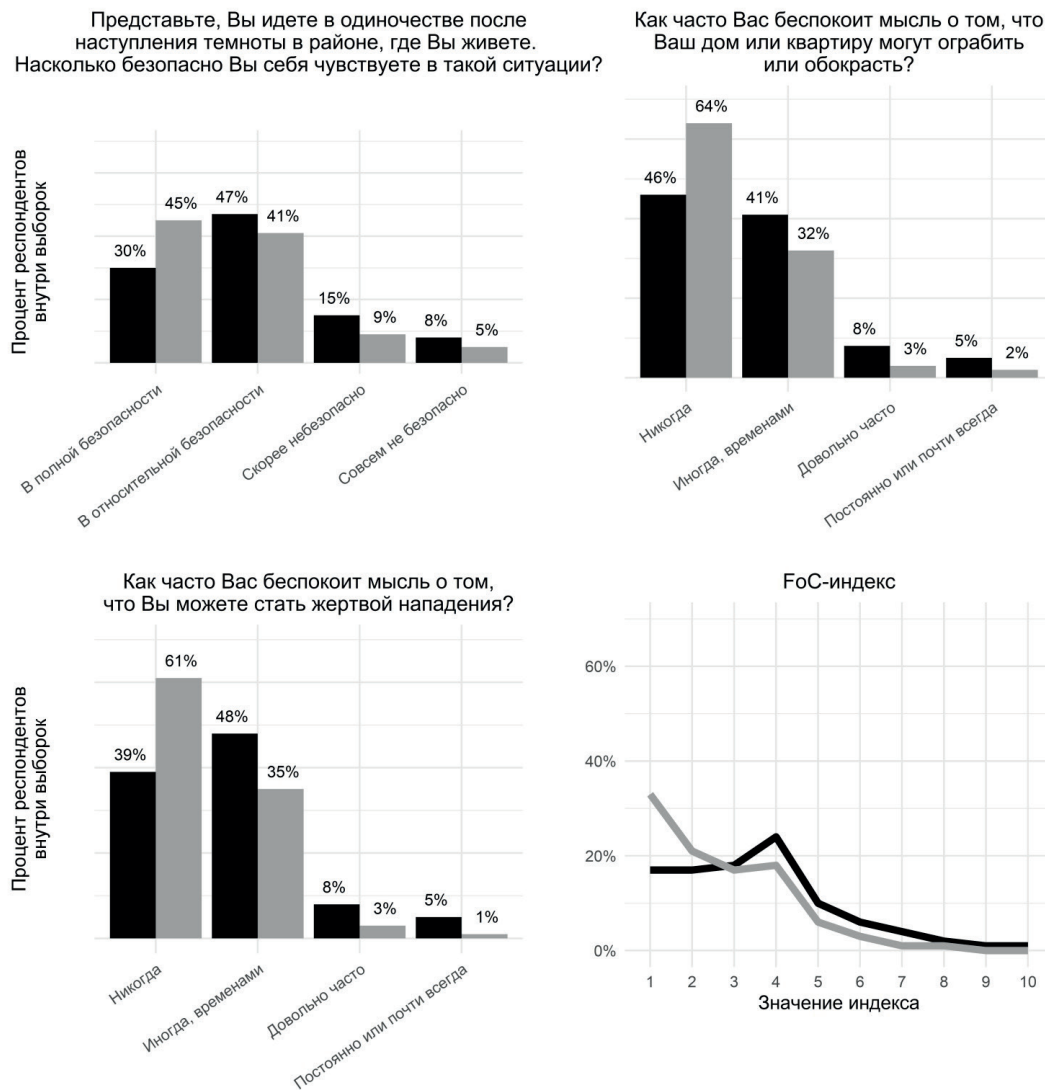

Рисунок 1. Распределение ответов на вопросы о безопасности и страхе перед преступностью. Черным отмечены значения для жертв, серым для не-жертв. (На графике не приведены доверительные интервалы в силу их малого размера, а потому неинформативности при визуализации.)

В качестве метода мы используем порядковую логистическую регрессию. Метод порядковой регрессии используется для оценки порядковых переменных (т. е. переменных, значения которых выражены в шкале) — отдельных вопросов о чувстве небезопасности, о страхе перед преступностью и объединяющего их индекса. Де-факто порядковая регрессия является расширением логистической. В ней существует не один, а несколько взаимосвязанных логарифмов шансов бинарного отклика (логитов). Если в шкале, как в случае вопросов о страхе, 4 варианта ответа, то модель будет иметь $4-1=3$ логита, каждый из которых показывает шанс перехода зависимой переменной на следующий уровень при заданных независимых

переменных (Gelman et al., 2020). Выбор такой модели (а не, например, линейной регрессии) обусловлен ошибками, которые порождают линейные модели при анализе порядковых шкал (Liddell, Kruschke, 2018).

Несмотря на нерепрезентативность RCVS на региональном уровне, можно предположить, что в данных есть специфическая региональная вариация ответов. Например, страх перед преступностью жителей Москвы может отличаться от такового у проживающих в индустриальном городе-миллионнике. Для исключения неконтролируемых смещений в модель также были добавлены фиксированные эффекты региона проживания респондента и сделана кластеризация ошибок по этой переменной.

Результаты

Три вопроса о восприятии преступности вызывают довольно схожие, коррелирующие ответы: большинство респондентов говорят о безопасности и отсутствии опасений (табл. 1, рис. 1). Визуально распределение ответов на вопросы о страхе перед нападением и вторжением в дом практически неотличимы друг от друга. Среднее значение для обоих вопросов о страхе примерно равно 1,5⁸ по шкале 1–4. Переменная об уличной безопасности распределена несколько иначе, имея более пологий наклон и среднее значение 1,8 (ст. ошибки < 0,01). Среднее значение FoC-индекса — 2,8 по шкале 1–10 (ст. ошибки 0,02). Такое распределение с уклоном в сторону «безопасных» ответов вполне типично (Visser et al., 2013). К примеру, среднее для вопроса об уличной безопасности среди всех стран, когда-либо участвовавших в ESS, равно 2 (ст. ошибки < 0,01, данные всех волн ESS)⁹.

Можно заметить, что в сравнении с двумя вопросами о конкретных преступлениях, в ответ на вопрос об улице в темное время суток больше респондентов склонны говорить о небезопасности. Однако при рассмотрении жертв и не-жертв по отдельности картина немного иная: среди жертв опасения представлены гораздо сильнее. Среднее значение индекса — 3,52 (ст. ошибки 0,04), трех вопросов — 2, 1,7, 1,8 соответственно¹⁰. Для не-жертв, напротив, ниже значения как индекса (2,51, ст. ошибки 0,02), так и его компонентов (1,7, 1,4, 1,4¹¹). Это дополнительно обосновывает отдельное рассмотрение респондентов с виктимным опытом и без него.

Сначала проанализируем значения коэффициентов, полученные при анализе связей FoC-индекса с независимыми переменными социально-демографического блока (табл. 2).

8. Среднее для вопроса о краже: 1,49 (ст. ошибки: < 0,01). Среднее для вопроса о нападении: 1,52 (ст. ошибки: < 0,01).

9. Расчеты авторов. Данные: European Social Survey Cumulative File, ESS 1-9 (2020). Data file edition 1.0. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. doi:10.21338/NSD-ESS-CUMULATIVE.

10. Стандартные ошибки во всех трех случаях: 0,02.

11. Стандартные ошибки во всех трех случаях: < 0,01.

Таблица 2. Порядковые регрессии, предсказывающие значения индекса страха перед преступностью (1–10) для разных групп респондентов

	Зависимая переменная		
	Индекс страха перед преступностью		
	Вся выборка	Жертвы	Не-жертвы
	(1)	(2)	(3)
Гендер (жен.)	0,618*** (0,033)	0,461*** (0,071)	0,675*** (0,035)
В браке	0,119*** (0,030)	0,135* (0,080)	0,121*** (0,040)
Возраст	-0,005*** (0,001)	-0,007** (0,003)	-0,004** (0,002)
Живет в городе	0,309*** (0,041)	0,287*** (0,076)	0,319*** (0,044)
Высшее образование	-0,366*** (0,035)	-0,254*** (0,078)	-0,409*** (0,036)
Безработный	-0,044 (0,044)	-0,068 (0,080)	-0,042 (0,048)
Высокий субъективный доход	-0,494*** (0,030)	-0,663*** (0,072)	-0,458*** (0,035)
Судимость	-0,075 (0,072)	0,135 (0,117)	-0,198** (0,091)
Был виктимный опыт	0,851*** (0,042)		
Контроли на типы преступлений	Нет	Да	Нет
Фиксированные эффекты регионов	Да	Да	Да
Наблюдений	13001	2763	10238
AIC	44240	10725	33504
Log Likelihood	-22016	-5260	-16649

* $p < 0,1$ ** $p < 0,05$ *** $p < 0,01$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки с кластеризацией по регионам проживания респондентов.

Примечание:

При сравнении выборок респондентов мы можем наблюдать разницу в значимости и величине коэффициентов, но не в направлении связей. Ряд переменных значимы как для жертв (табл. 2, столбец 2), так и для не-жертв (табл. 2, столбец 3). Например, женский гендер в обеих выборках положительно связан с FoC-индексом и имеет одно из самых больших значений коэффициента в социально-демографическом блоке предикторов. Интересно, что эффект гендера слабее выражен у жертв.

Городские жители демонстрируют в среднем более высокий уровень обобщенного страха. То же самое касается респондентов, состоящих в браке (для жертв этот эффект имеет пограничную значимость).

С возрастом респонденты склонны меньше заявлять о страхе перед преступностью. Также снижает страх наличие высшего образования (причем эта связь более выражена у не-жертв) и высокого субъективного дохода. Эффекты наличия у респондента судимости отличаются между подвыборками: факт судимости снижает значение FoC-индекса, но только среди не-жертв. Отсутствие работы оказалось единственной незначимой переменной во всех трех регрессионных моделях. Факт становления жертвой преступления в прошлом положительно связан со страхом перед преступностью.

Теперь, с целью детализации результатов, обратимся к значениям не агрегированного индекса, а составляющих его трех компонентов с помощью построения отдельных регрессионных моделей. Остановимся на тех переменных таблицы 3, значения коэффициентов которых различаются между тремя вопросами или существенно отличаются от значений для FoC-индекса из таблицы 2.

Таблица 3. Порядковые регрессии, предсказывающие ответы на отдельные вопросы о восприятии преступности (1–4) для разных групп респондентов

	Зависимая переменная								
	Вся выборка			Жертвы			Не-жертвы		
	Уличная безопасность	Опасения кражи	Опасения нападения	Уличная безопасность	Опасения кражи	Опасения нападения	Уличная безопасность	Опасения кражи	Опасения нападения
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Гендер (жен.)	0,755*** (0,034)	0,297*** (0,039)	0,473*** (0,038)	0,689*** (0,063)	0,175* (0,090)	0,313*** (0,078)	0,789*** (0,041)	0,345*** (0,041)	0,537*** (0,038)
В браке	0,088*** (0,031)	0,231*** (0,034)	0,027 (0,036)	0,055 (0,080)	0,231*** (0,079)	0,060 (0,090)	0,103** (0,042)	0,235*** (0,044)	0,025 (0,044)
Возраст	-0,004** (0,001)	0,004** (0,002)	-0,014*** (0,002)	-0,004 (0,003)	0,003 (0,003)	-0,018*** (0,003)	-0,003* (0,002)	0,004* (0,002)	-0,012*** (0,002)
Живет в городе	0,329*** (0,047)	0,182*** (0,040)	0,281*** (0,051)	0,235** (0,098)	0,153* (0,093)	0,359*** (0,085)	0,362*** (0,048)	0,194*** (0,042)	0,263*** (0,055)
Высшее образование	-0,231*** (0,039)	-0,471*** (0,036)	-0,371*** (0,039)	-0,165** (0,081)	-0,282*** (0,080)	-0,256*** (0,092)	-0,256*** (0,043)	-0,537*** (0,042)	-0,420*** (0,038)
Безработный	-0,004 (0,042)	-0,112** (0,049)	-0,067 (0,046)	-0,048 (0,082)	-0,187** (0,085)	-0,075 (0,096)	0,004 (0,050)	-0,075 (0,057)	-0,076 (0,048)
Высокий субъективный доход	-0,474*** (0,032)	-0,410*** (0,040)	-0,434*** (0,037)	-0,608*** (0,078)	-0,604*** (0,085)	-0,485*** (0,084)	-0,444*** (0,037)	-0,355*** (0,045)	-0,436*** (0,041)
Судимость	-0,144* (0,080)	-0,209** (0,082)	0,134** (0,067)	0,074 (0,136)	0,014 (0,135)	0,253 (0,155)	-0,264** (0,104)	-0,330*** (0,100)	0,025 (0,090)
Был виктимный опыт	0,607*** (0,046)	0,767*** (0,049)	0,878*** (0,044)						

Контроли на типы преступлений	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да	Нет	Нет	Нет
Фиксированные эффекты регионов	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдений	13001	13001	13001	2763	2763	2763	10238	10238	10238
AIC	27851	22413	22183	6528	5920	5790	21358	16511	16393
Log Likelihood	-13827	-11108	-10993	-3167	-2863	-2798	-10582	-8159	-8099

* $p < 0,1$ ** $p < 0,05$ *** $p < 0,01$.

Примечание: В скобках приведены робастные стандартные ошибки с кластеризацией по регионам проживания респондентов.

К таким переменным относится, к примеру, брачный статус. Значимость коэффициента, найденная для FoC-индекса, при рассмотрении трех вопросов по отдельности отсутствует для страха перед нападением. В выборке жертв значимость также пропадает в случае восприятия уличной безопасности.

Возраст респондентов при анализе индекса был значим во всех моделях, однако для отдельных вопросов он сохраняет значимость и силу связи в первую очередь в случае страха перед нападением. Для остальных вопросов возраст имеет либо пограничную значимость (у не-жертв), либо не имеет ее вовсе (у жертв).

Отсутствие работы у респондентов значимо лишь для страха перед вторжением в дом у жертв. Судимость у не-жертв значимо снижает страх перед вторжением в дом и ощущение опасности.

Теперь обратимся ко второму блоку независимых переменных, актуальных при анализе респондентов-жертв. Эти переменные отвечают за характеристики преступных инцидентов, произошедших с респондентами (табл. 4), они были добавлены в ранее рассмотренных регрессионных моделях, но для последовательности изложения не были детализированы.

Таблица 4. Порядковые регрессии, предсказывающие ответы на отдельные вопросы о восприятии преступности для выборки жертв преступлений

	Зависимая переменная			
	FoC-индекс	Уличная безопасность	Опасения кражи	Опасения нападения
	(1)	(2)	(3)	(4)
Насильственное преступление	0,595*** (0,136)	0,538*** (0,164)	0,339** (0,155)	0,703*** (0,166)
Имущественное преступление	0,280** (0,113)	-0,001 (0,132)	0,562*** (0,123)	0,193 (0,139)
Удаленное преступление	-0,149 (0,121)	-0,167 (0,136)	0,108 (0,130)	-0,224 (0,140)
Покушение на удаленное преступление	-0,032 (0,115)	-0,087 (0,141)	0,193 (0,139)	-0,130 (0,143)

Все контроли из таблицы 3	Да	Да	Да	Да
Фиксированные эффекты регионов	Да	Да	Да	Да
Наблюдений	2763	2763	2763	2763
AIC	10725	6528	5920	5790
Log Likelihood	-5260	-3167	-2863	-2798

Примечание: * $p < 0,1$ ** $p < 0,05$ *** $p < 0,01$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки с кластеризацией по регионам проживания респондентов.

Насильственные преступления ожидаемо связаны с высокими показателями страха перед преступностью у их жертв. Переменная значима как для индекса, так и для каждого из отдельных вопросов. Классические имущественные преступления тоже оказывают эффект, но имеют более чем в два раза меньший коэффициент. Удаленные преступления и покушения на них незначимы.

Несмотря на то что факт насилия в среднем повышает значение всех зависимых переменных, наибольший коэффициент наблюдается для страха перед нападением, то есть для того же типа виктимизации, о котором задается вопрос. Тогда как для страха перед кражей из дома коэффициент значим, но имеет меньшую силу. При этом факт произошедшего с жертвой имущественного преступления значимо связан именно с опасениями кражи из дома и не демонстрирует связей с вопросами о насилии и об уличной безопасности. Факты удаленных преступлений и покушений на них незначимы, из чего можно предположить наличие разной специфики восприятия респондентами офлайн- и онлайн-преступлений.

Обсуждение результатов

Паттерны страха перед преступностью, которые мы видим в России благодаря данным RCVS, кардинально не отличаются от того, что можно увидеть в западной литературе. Взаимосвязи, которые стабильно присутствуют на материале Европы и США, есть и в России. Это говорит в первую очередь о том, что страх перед преступностью в России не является исключительным случаем. Предикторы страха перед преступностью, согласно литературе, являющиеся типичными (Rader, 2017), демонстрируют положительные связи и на наших данных. Это в первую очередь касается женского гендера и проживания в городской среде. Стабильные отрицательные связи со страхом показывают наличие высшего образования и принадлежность к высокодоходной группе населения.

Говоря о специфических для России результатах, обратим внимание на интересное наблюдение об эффектах типа населенного пункта на уровень страха перед преступностью. Среди жителей России распространено мнение, что села безопас-

нее городов¹². При этом реальный риск тяжкого насилия, напротив, выше в сельской местности, чем в городах (Титаев, 2019: 9), что указывает на присутствие стереотипа. Дополняя находку об этом расхождении, мы показываем, что восприятие сельской местности как более безопасной свойственно не просто жителям России в среднем. Такое восприятие, во-первых, свойственно людям, проживающим непосредственно в сельской местности. И, во-вторых, жители сел действительно заявляют, что чувствуют себя в большей безопасности, чем горожане, при ответах на прямые вопросы на тему безопасности — вопросы, формулировки которых никак не противопоставляют друг другу типы населенных пунктов, в отличие от формулировок из предшествующих опросов. Эта находка говорит об известном парадоксе: группы, де-факто менее подверженные преступности, склонны чаще ее опасаться, и наоборот (Rountree, 1998). Хотя обычно в связи с этим говорят о гендере и возрасте, мы наблюдаем, что это верно не только для таких социодемографических показателей, но и для территориального.

В целом ответы респондентов на разные вопросы о восприятии преступности довольно схожи между собой. Это позволяет сконструировать совокупный индекс из соответствующих переменных — путь, которым идут многие предыдущие исследования и который проверили и мы. Однако наши ключевые результаты получены с помощью отдельных регрессий для каждого из вопросов о восприятии преступности, заданных респондентам. Опыт виктимизации может быть самым разным, что зависит как от обстоятельств самого инцидента, так и от социального статуса и соответствующих ему уязвимостей жертвы. В связи с этим есть основания полагать, что разные опыты виктимизации по-разному влияют на дальнейшее восприятие преступности людьми (Rountree, 1998). Тогда и измерять страх логично по отношению к разным типам преступлений по отдельности.

Кроме того, использование индекса сопряжено с ограничением информации о малых, непривилегированных и маргинальных социальных группах, тогда как внимание именно к этим группам важно при изучении преступности, т.к. они наиболее для нее уязвимы. В особенности это касается ключевого вопроса о взаимосвязи между виктимным опытом и страхом перед преступностью. К тому же часто уязвимые слои населения социально замкнуты и аккумулируют преступность внутри себя (Серебренников, Титаев, 2022: 13; Титаев, 2019).

Взгляд на отдельные зависимые переменные позволяет уделить внимание эффектам различных криминологических и социодемографических характеристик на страх перед разными типами преступности. Так, факт отсутствия работы у жертв значительно повышает уровень страха перед вторжением в дом. Это может быть вызвано тем, что риск потери имущества при отсутствии работы сильно осложняет возможности для возвращения на прежний материальный уровень. Не имеющие стабильного дохода люди опасаются еще большего ухудшения собственного положения, чреватого дальнейшей маргинализацией (Pantazis, 2000).

12. Так считают 60% жителей сел и 83% горожан. См.: Жизнь городская и сельская. 2014. ФОМ. <https://fom.ru/Gorodskie-proekty/11434> (дата обращения: 07.06.2022).

Любопытно, что судимость значимо снижает страх перед кражей и общее ощущение опасности, но только в случае не-жертв. Возможно, контакт с уголовной системой приводит к тому, что при телефонном разговоре с интервьюером респонденты стремятся отвечать в социально-приемлемых категориях. Отметим, что данное замечание актуально и для других переменных. Не исключено, что проблема социально-одобряемых ответов присутствует в случае гендера, т.к. мужчинам в российском обществе структурно предписывается демонстрировать силу и отсутствие страха.

Состоящие в браке респонденты чаще склонны заявлять об опасениях о преступности согласно моделям для FoC-индекса. Однако при анализе каждого из вопросов по отдельности видно, что переменная брачного статуса не имеет значимой связи со страхом перед нападением ни в одной из моделей. Таким образом, за эффект брачного статуса на FoC-индекс ответственны вопросы об уличной безопасности и о страхе вторжения в дом. Они значимы для полной выборки и для обеих подвыборок (за исключением эффекта для уличной безопасности в подвыборке жертв). Это важное наблюдение позволяет предположить, что положительная связь брачного статуса со страхом перед преступностью опосредована страхом респондентов не за себя, а за значимых других — жену или мужа, детей, других членов семьи (Snedker, 2006). Особенно это касается вопроса о страхе вторжения в дом, где ясно, что пострадать могут члены семьи респондентов. Вопрос об уличной безопасности также оставляет пространство для интерпретации, поскольку этим же уличным пространством пользуются члены семьи, а вот вопрос о страхе перед нападением сформулирован как предельно личный. Именно этот вопрос в наибольшей степени из трех вопросов отсылает к телесной безопасности респондентов. Брачный статус — это одна из немногих переменных, у которой нет значимой связи со страхом перед нападением.

Виктимный опыт положительно связан со страхом перед преступностью. Это один из самых частых предикторов страха перед преступностью, поэтому такие результаты не удивительны. При этом у жертв эффект виктимизации зависит от тяжести инцидентов, произошедших с ними. Более серьезный виктимный опыт усиливает их опасения, ярче выраженные в случае насильственных преступлений в сравнении с имущественными. Следовательно, чем серьезнее опыт виктимизации, тем выше страх перед преступностью, т.к. насильственные преступления по определению более тяжкие. Это согласуется с предыдущими исследованиями (Abbott, McGrath, 2017), однако стоит упомянуть, что существуют примеры как отрицательной связи, так и ее отсутствия (Rader, 2017).

Более того, есть основания предполагать, что жертвы склонны опасаться тех же широко понятых типов преступлений, которым подверглись в прошлом. Другими словами, есть не только количественная связь тяжести виктимизации и последующего страха, но и качественное сходство между характеристиками виктимизации и страхом перед различными преступлениями. По крайней мере, в случае с имущественной преступностью эта связь наблюдается явно. Также можно сказать, что

жертвы насилия будут в дальнейшем с большей вероятностью опасаться имущественных преступлений, чем жертвы имущественных преступлений в дальнейшем будут опасаться насилия. Для последних актуальным оказался только вопрос о страхе перед кражей из дома, тогда как с остальными вопросами опыт имущественной виктимизации значимо не связан.

Факт того, что инцидент был дистанционным, значимо не связан со страхом перед преступностью. Предполагаем, что причина этого в разном способе переживания опыта онлайн- и офлайн-преступлений респондентами. Последние могут оставаться неочевидными случаями в контексте личной безопасности и не восприниматься как классическая преступность, с которой можно столкнуться на улице.

В результате в контексте общего снижения насильственной преступности как в России, так и в большинстве стран мира (van Dijk et al., 2022), и при этом внезапном росте удаленных преступлений (Серебренников, Титаев, 2022), мы получаем определенный парадокс. Несмотря на «великое падение преступности», преступных инцидентов формально становится больше — к этому ведет как заметный в последние годы рост удаленных преступлений, так и рост преступлений «без жертв» в общем числе зарегистрированных случаев. Однако (при условии экстраполяции найденных нами связей в будущем) страх перед преступностью может снижаться, а субъективное ощущение безопасности расти, и этот тренд уже частично проявлен (Веркеев, 2021). Отчасти это можно объяснить тем, что удаленная преступность менее заметна невооруженным глазом, и реже становится объектом средств массовой информации: скорее всего, история об убийстве привлечет гораздо больше внимания, чем о краже даже крупной суммы с чьего-то банковского счета, и точно больше внимания, чем мелкое телефонное мошенничество.

Это может иметь далеко идущие последствия в отношениях между индивидом и правоприменительными органами. С учетом снижения числа насильственных преступлений и роста преступлений «без жертв», влекущих за собой снижение страха, логично предположить, что люди будут контактировать с полицией реже, и их повседневное восприятие правоохранительной функции государства в связи с этим также претерпит изменения. Таким образом, перемены в паттернах восприятия преступности могут косвенно указывать на долгосрочные метаморфозы в отношениях общества и государства.

В контексте современной дискуссии о восприятии преступности наши результаты показывают, что связь между опытом виктимизации и последующим страхом перед преступностью в разы сложнее, чем простая положительная зависимость. На данный момент исследовательская литература движется именно в эту сторону, стремясь преодолеть доминировавшие ранее упрощенные подходы к анализу виктимизации и страха (Lee et al., 2020). Мы не только впервые рассмотрели влияние разных типов виктимизации на общероссийском материале, но и учли множественность проявлений страха перед преступностью, не полагаясь полностью на совокупный индекс, а рассмотрев страх перед разными типами угроз по отдель-

ности, что дополняет статьи, в которых применена такая стратегия (Yuan, McNeeley, 2017; Lee et al., 2020; Scherg, Ejrnaes, 2022).

Среди наших находок стоит отметить, во-первых, что восприятие преступности жителями России не является уникальным случаем в сравнении с западными странами. Все основные социоэкономические факторы страха перед преступностью ведут себя похожим образом, как в предшествующих зарубежных исследованиях. При этом мы подчеркнули наличие стереотипа о большей безопасности сельской местности в сравнении с городами у самих жителей российских сел. Во-вторых, мы показали, что жертвы преступлений чаще опасаются преступности, чем не-жертвы, что также ожидаемо исходя из имеющейся дискуссии. Однако, в-третьих, мы зафиксировали различия в эффектах между разными вопросами о восприятии преступности и показали, что респонденты опасаются «классических» и удаленных преступлений по-разному. Это значит, что жертвы разных преступлений по-разному воспринимают потенциальную виктимизацию в будущем. Особенно хорошо это видно на примере имущественной преступности — пострадавшие от нее склонны опасаться именно этого типа преступности в дальнейшем. Резкий рост удаленных преступлений при учете того, что они, по нашим данным, не имеют эффекта на страх перед преступностью, ставит более масштабные вопросы о дальнейшей динамике субъективной безопасности и спроса на работу правоохранительных органов.

Литература

- Веркеев А. М. (2021). Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 2. С. 169–192.
- Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. (2019). Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2. С. 4–31.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. (2019). (Без)опасный квартал: как оценивается уровень уличной преступности // Россия реформирующаяся: Ежегодник: Вып. 17 / М. К. Горшков (отв. ред.). М.: Новый Хронограф. С. 454–477.
- Налла М. К., Гуринская А. Л. (2018). Страх перед преступностью и стратегии профилактики преступлений: Значение опыта предшествующей виктимизации, взаимодействия с полицией и доверия к ней // Юридический вестник Кубанского государственного университета. № 2. С. 21–28.
- Серебренников Д., Титаев К. (2022). Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса: Аналитический обзор. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.
- Титаев К. Д. (2019). Насильственная преступность в России: Жертвы и преступления. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

- Тыканова Е. В., Тенишева К. А. (2021). Восприятие беспорядка и социальный контроль в новых жилых массивах: Опыт социологического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 232–257.
- Чернышева Л. А. (2019). Российское гетто: Воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37–58.
- Abbott J., McGrath S. A. (2017). The Effect of Victimization Severity on Perceived Risk of Victimization: Analyses Using an International Sample // Victims & Offenders. Vol. 12. № 4. P. 587–609.
- Abbott J., McGrath S. A., May D. C. (2020). The Effects of Police Effort on Victims' Fear of Crime // American Journal of Criminal Justice. Vol. 45. № 5. P. 880–898.
- Barni D., Vieno A., Roccato M., Russo S. (2016). Basic Personal Values, the Country's Crime Rate and the Fear of Crime // Social Indicators Research. Vol. 129. № 3. P. 1057–1074.
- Baumer T., DuBow F. (1977). Fear of crime in the polls: What they do and do not tell us. Northwestern University.
- Beck A., Robertson A. (2003). Crime in Russia: Exploring the Link between Victimization and Concern about Crime // Crime Prevention and Community Safety. Vol. 5. № 1. P. 27–46.
- Camacho Doyle M., Gerell M., Andershed H. (2022). Perceived Unsafety and Fear of Crime: The Role of Violent and Property Crime, Neighborhood Characteristics, and Prior Perceived Unsafety and Fear of Crime // Deviant Behavior. Vol. 43. № 11. P. 1347–1365.
- Collins R. E. (2016). Addressing the inconsistencies in fear of crime research: A meta-analytic review // Journal of Criminal Justice. № 47. P. 21–31.
- Ditton J., Duffy J. (1983). Bias in the Newspaper Reporting of Crime News // The British Journal of Criminology. Vol. 23. № 2. P. 159–165.
- Ferraro K. F., LaGrange R. (1987). The Measurement of Fear of Crime // Sociological Inquiry. Vol. 57. № 1. P. 70–97.
- Gelman A., Hill J., Vehtari A. (2020). Regression and Other Stories. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gurinskaya A. (2020). Predicting citizens' support for surveillance cameras. Does police legitimacy matter? // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. Vol. 44. № 1–2. P. 63–83.
- Hollway W., Jefferson T. (2012). Doing Qualitative Research Differently: A Psychosocial Approach. London: SAGE.
- Hummelsheim D., Hirtenlehner H., Jackson J., Oberwittler D. (2011). Social Insecurities and Fear of Crime: A Cross-National Study on the Impact of Welfare State Policies on Crime-related Anxieties // European Sociological Review. Vol. 27. № 3. P. 327–345.
- Knorre A. (2022). Russian Crime Victimization Survey 2021. Data set. Harvard Dataverse.
- Konyakhin V., Petrovskiy A. (2016). Crime and crime prevention at Krasnodar Krai tourist resorts in Russia: A study of crime, fear of crime and crime prevention // Revija Za Kriminalistiko in Kriminologijo. Vol. 67. № 4. P. 339–347.

- Krulichová E.* (2019). The relationship between fear of crime and risk perception across Europe // *Criminology & Criminal Justice*. Vol. 19. № 2. P. 197–214.
- Kujala P., Kallio J., Niemelä M.* (2019). Income Inequality, Poverty, and Fear of Crime in Europe // *Cross-Cultural Research*. Vol. 53. № 2. P. 163–185.
- Kury H., Ferdinand T.* (1998). The Victim's Experience and Fear of Crime. *International Review of Victimology*. Vol. 5. № 2. P. 93–140.
- Lee H. D., Reyns B. W., Kim D., Maher C.* (2020). Fear of Crime Out West: Determinants of Fear of Property and Violent Crime in Five States // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. Vol. 64. № 12. P. 1299–1316.
- Lewis D. A., Salem G.* (1986). *Fear of Crime: Incivility and the Production of a Social Problem*. New Brunswick: Transaction Books.
- Liddell T. M., Kruschke J. K.* (2018). Analyzing ordinal data with metric models: What could possibly go wrong? // *Journal of Experimental Social Psychology*. № 79. P. 328–348.
- Nalla M. K., Gurinskaya A.* (2022). Police legitimacy or risk-avoidance: What makes people feel safe? // *Journal of Crime and Justice*. Vol. 45. № 1. P. 1–20.
- Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V.* (2015). The Origins and Subjects of Fear for Siberians: Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia // *Sibirica*. Vol. 14. № 2. P. 66–94.
- Pantazis C.* (2000). 'Fear of Crime', Vulnerability and Poverty // *British Journal of Criminology*. Vol. 40. № 3. P. 414–436.
- Rader N. E.* (2017). *Fear of Crime*. Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. Oxford University Press.
- Rountree P. W.* (1998). A Reexamination of the Crime-Fear Linkage // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 35. № 3. P. 341–372.
- Scherg R. H., Ejrnaes A.* (2022). Heterogeneous Impact of Victimization on Sense of Safety: The Influence of Past Victimization // *Victims & Offenders*. Vol. 17. № 3. P. 395–420.
- Snedker K. A.* (2006). Altruistic and Vicarious Fear of Crime: Fear for Others and Gendered Social Roles // *Sociological Forum*. Vol. 21. № 2. P. 163–195.
- Uslaner E. M.* (2013). Trust as an alternative to risk // *Public Choice*. Vol. 157. № 3. P. 629–639.
- van Dijk J., Nieuwbeerta P., Joudo Larsen J.* (2022). Global Crime Patterns: An Analysis of Survey Data from 166 Countries Around the World, 2006–2019 // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 38. № 4. P. 793–827.
- Vauclair C.-M., Bratanova B.* (2017). Income inequality and fear of crime across the European region // *European Journal of Criminology*. Vol. 14. № 2. P. 221–241.
- Visser M., Scholte M., Scheepers P.* (2013). Fear of Crime and Feelings of Unsafety in European Countries: Macro and Micro Explanations in Cross-National Perspective // *The Sociological Quarterly*. Vol. 54. № 2. P. 278–301.
- Yuan Y., McNeeley S.* (2017). Social Ties, Collective Efficacy, and Crime-Specific Fear in Seattle Neighborhoods // *Victims & Offenders*. Vol. 12. № 1. P. 90–112.

Victims of their own fear: the perceived safety and crime victim experience in Russia¹³

Arseny Verkeev

M.A. in Sociology, Research Assistant, HSE University, Research Intern, Center for Russia, East Europe, and Central Asia at the University of Wisconsin–Madison.

Address: 55, Sedova St., St. Petersburg, 192148. E-mail: averkeev@ya.ru.

Dmitriy Serebrennikov

M.A. in Sociology, Researcher, Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg.

Address: 6/1A Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187. E-mail: serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru.

In recent decades, criminologists around the world have observed a decrease in the level of crime, especially violent crime, that is, the so-called “great crime drop”. However, the actual safety may not correspond to subjective safety, i.e., how people perceive their safety against various threats. In this article, we use the *Russian Crime Victimization Survey* (2021) conducted by the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg to study the relationships between fear of crime, and the sociodemographic and the criminological characteristics of the respondents. These data make it possible to assess how the experience of victims of various crimes and their fear of different types of crimes are related. We find that the relationships between socio-demographic characteristics and fear of crime in Russia are broadly similar to those observed in other countries. At the same time, we identify a number of noteworthy features regarding crime victims. First, the victim experience increases the level of fear of crime on average. Second, the more serious the crime incidents people have experienced in the past, the higher their level of fear of crime. Third, victims of classic in-person crimes (such as theft or assault) often fear future crime. Moreover, in case of property crime, they tend to fear future property crime but not violence. At the same time, victims of violence can fear future property crime along with violence. The fact that the incident was remote (committed via the Internet or telephone) is not related to the fear of crime. Thus, the fear of “classic” crimes is experienced differently by the victims as compared to remote crimes which poses broader questions about the dynamics of perceived safety and the demand for the law enforcement involvement in the future.

Keywords; fear of crime, victimization, victim experience, perceived safety, street safety, crime in Russia, crime victims

References

- Abbott J., McGrath S. A. (2017) The Effect of Victimization Severity on Perceived Risk of Victimization: Analyses Using an International Sample. *Victims & Offenders*, vol. 12, no 4, pp. 587–609.
- Abbott J., McGrath S. A., May D. C. (2020) The Effects of Police Effort on Victims’ Fear of Crime. *American Journal of Criminal Justice*, vol. 45, no 5, pp. 880–898.
- Barni D., Vieno A., Roccato M., Russo S. (2016) Basic Personal Values, the Country’s Crime Rate and the Fear of Crime. *Social Indicators Research*, vol. 129, no 3, pp. 1057–1074.
- Baumer T., DuBow F. (1977) *Fear of crime in the polls: What they do and do not tell us*, Northwestern University.

13. The authors are thankful to the participants of the following events for their comments on the earlier versions of this paper; *Fear around the corner: perceptions of safety in and out of the city* panel of the *Anxious society and (im)opportunities for solidarity* conference (April 2022), *Wisconsin Russia Project 2022 Young Scholars Conference* (June 2022), *Global Meeting on Law and Society* (July 2022), *Summer school of the Institute for the Rule of Law* (July 2022). We also thank editorial team and reviewers of the *Russian Sociological Review*. The reported study was funded by RFBR, Project number 20-311-90063.

- Beck A., Robertson A. (2003) Crime in Russia: Exploring the Link between Victimisation and Concern about Crime. *Crime Prevention and Community Safety*, vol. 5, no 1, pp. 27–46.
- Camacho Doyle M., Gerell M., Andershed H. (2022) Perceived Unsafety and Fear of Crime: The Role of Violent and Property Crime, Neighborhood Characteristics, and Prior Perceived Unsafety and Fear of Crime. *Deviant Behavior*, vol. 43, no 11, pp. 1347–1365.
- Chernysheva L. A. (2019) Rossijskoe getto: Voobrazhaemaja marginal'nost' novyh zhilyh rajonov [Russian ghetto: the imaginary marginality of new housing estates]. *Gorodskie Issledovanija I Praktiki*, vol. 4, no 2, pp. 37–58.
- Collins R. E. (2016) Addressing the inconsistencies in fear of crime research: A meta-analytic review. *Journal of Criminal Justice*, no 47, pp. 21–31.
- Ditton J., Duffy J. (1983) Bias in the Newspaper Reporting of Crime News. *The British Journal of Criminology*, vol. 23, no 2, pp. 159–165.
- Ferraro K. F., LaGrange R. (1987) The Measurement of Fear of Crime. *Sociological Inquiry*, vol. 57, no 1, pp. 70–97.
- Gelman A., Hill J., Vehtari A. (2020) *Regression and Other Stories*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gurinskaya A. (2020) Predicting citizens' support for surveillance cameras. Does police legitimacy matter? *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 44, no 1–2), pp. 63–83.
- Hollway W., Jefferson T. (2012) *Doing Qualitative Research Differently: A Psychosocial Approach*, London: SAGE.
- Hummelshheim D., Hirtenlehner H., Jackson J., Oberwittler D. (2011) Social Insecurities and Fear of Crime: A Cross-National Study on the Impact of Welfare State Policies on Crime-related Anxieties. *European Sociological Review*, vol. 27, no 3, pp. 327–345.
- Knorre A. (2022) *Russian Crime Victimization Survey 2021*. Data set. Harvard Dataverse. Available at: <https://doi.org/10.7910/DVN/SGRQTI> (accessed 1 December 2022).
- Konyakhin V., Petrovskiy A. (2016) Crime and crime prevention at Krasnodar Krai tourist resorts in Russia: A study of crime, fear of crime and crime prevention. *Revija Za Kriminalistiko in Kriminologijo*, vol. 67, no 4, pp. 339–347.
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) (Bez)opasnyj kvartal: kak ocenivaetsja uroven' ulichnoj prestupnosti [(Un)safe block: how street crime level is estimated]. *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik: Vyp. 17. otv. Red. M. K. Gorshkov*, Moscow: Novyj Hronograf, pp. 454–477.
- Krulichová E. (2019) The relationship between fear of crime and risk perception across Europe. *Criminology & Criminal Justice*, vol. 19, no 2, pp. 197–214.
- Kujala P., Kallio J., Niemelä M. (2019) Income Inequality, Poverty, and Fear of Crime in Europe. *Cross-Cultural Research*, vol. 53, no 2, pp. 163–185.
- Kury H., Ferdinand T. (1998) The Victim's Experience and Fear of Crime. *International Review of Victimology*, vol. 5, no 2, pp. 93–140.
- Lee H. D., Reyns B. W., Kim D., Maher C. (2020) Fear of Crime Out West: Determinants of Fear of Property and Violent Crime in Five States. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 64, no 12, pp. 1299–1316.
- Lewis D. A., Salem G. (1986) *Fear of Crime: Incivility and the Production of a Social Problem*, New Brunswick: Transaction Books.
- Liddell T. M., Kruschke J. K. (2018) Analyzing ordinal data with metric models: What could possibly go wrong? *Journal of Experimental Social Psychology*, no 79, pp. 328–348.
- Nalla M. K., Gurinskaja A. L. (2018) Strah pered prestupnost'ju i strategii profilaktiki prestuplenij: Znachenie opyta predshestvujushhej viktimizacii, vzaimodejstvija s policiej i doverija k nej [Fear of crime and strategies crime prevention: the role of past victimization, interactions with police and trust toward police]. *Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2, pp. 21–28.
- Nalla M. K., Gurinskaya A. (2022) Police legitimacy or risk-avoidance: What makes people feel safe? *Journal of Crime and Justice*, vol. 45, no 1, pp. 1–20.
- Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. (2015) The Origins and Subjects of Fear for Siberians: Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia. *Sibirica*, vol. 14, no 2, pp. 66–94.

- Pantazis C. (2000) 'Fear of Crime', Vulnerability and Poverty. *British Journal of Criminology*, vol. 40, no 3, pp. 414–436.
- Rader N. E. (2017) Fear of Crime. *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*, Oxford University Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.10> (accessed 1 December 2022).
- Rountree P. W. (1998) A Reexamination of the Crime-Fear Linkage. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, vol. 35, no 3, pp. 341–372.
- Scherg R. H., Ejrnaes A. (2022) Heterogeneous Impact of Victimization on Sense of Safety: The Influence of Past Victimization. *Victims & Offenders*, vol. 17, no 3, pp. 395–420.
- Serebrennikov D., Titaev K. (2022) *Dinamika prestupnosti i viktimizacii v Rossii 2018–2021 gg. Rezul'taty vtorogo viktimizacionnogo oprosa: Analiticheskij obzor* [Dynamics of crime and victimization in Russia, 2018–2021: results of the second victimization survey], Sankt-Peterburg: Institut problem pravoprimenenija pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge.
- Snedker K. A. (2006) Altruistic and Vicarious Fear of Crime: Fear for Others and Gendered Social Roles. *Sociological Forum*, vol. 21, no 2, pp. 163–195.
- Titaev K. D. (2019) *Nasil'stvennaja prestupnost' v Rossii: Zhertvy i prestuplenija* [Violent crime in Russia: victims and crimes], Sankt-Peterburg: Institut problem pravoprimenenija pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge.
- Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2021) Vosprijatie besporjadka i social'nyj kontrol' v novyh zhilyh massivah: Opyt sociologicheskogo issledovanija [Perception of Disorder and Social Control in the New Condominiums: Results of a Sociological Study]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 4, pp. 232–257.
- Uslaner E. M. (2013) Trust as an alternative to risk. *Public Choice*, vol. 157, no 3, pp. 629–639.
- van Dijk J., Nieuwbeerta P., Joudo Larsen J. (2022) Global Crime Patterns: An Analysis of Survey Data from 166 Countries Around the World, 2006–2019. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 38, no 4, pp. 793–827.
- Vauclair C.-M., Bratanova B. (2017) Income inequality and fear of crime across the European region. *European Journal of Criminology*, vol. 14, no 2, pp. 221–241.
- Verkeev A. M. (2021) Neravenstvo v vosprijatii (u)lichnoj bezopasnosti v Rossii [Inequality in Perceptions of Street Safety in Russia]. *Zhurnal Sociologii i Social'noj Antropologii*, vol. 24, no 2, pp. 169–192.
- Verkeev A. M., Volkov V. V., Dmitrieva A. V., Knorre A. V., Kudrjavcev V. E., Kuznecova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Hodzhaeva E. A. (2019) Kak izuchat' zhertv prestuplenij? [How to study victims of crime?] *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 2, pp. 4–31.
- Visser M., Scholte M., Scheepers P. (2013) Fear of Crime and Feelings of Unsafety in European Countries: Macro and Micro Explanations in Cross-National Perspective. *The Sociological Quarterly*, vol. 54, no 2, pp. 278–301.
- Yuan Y., McNeeley S. (2017) Social Ties, Collective Efficacy, and Crime-Specific Fear in Seattle Neighborhoods. *Victims & Offenders*, vol. 12, no 1, pp. 90–112.

Приложение

Таблица S1. Описательные статистики для трех выборок (всех респондентов, жертв и не-жертв). Для категориальных переменных указано число наблюдений по категориям и процент в выборке (в скобках). Для количественных — арифметическое среднее и стандартное отклонение (в скобках).

Переменная	Распределение переменной	Все респонденты (n=13514)	Жертвы (n=2736)	Не-жертвы (n=10675)
Гендер	Мужской	6235 (48%)	1350 (48.9%)	4885 (47.7%)
	Женский	66766 (52%)	1413 (51.1%)	5353 (52.3%)
В браке	Нет	5051 (38.9%)	1125 (40.7%)	3926 (38.3%)
	Да	7950 (61.1%)	1638 (59.3%)	6312 (61.7%)
Возраст	Среднее (станд. отклонение)	43.6 (15.1)	41.8 (14.4)	44.0 (15.2)
	Медиана [минимум, максимум]	41 [18, 105]	39 [18, 88]	41 [18, 105]
Живет в городе	Нет	7370 (56.7%)	1447 (52.4%)	5923 (57.9%)
	Да	5631 (43.3%)	1316 (47.6%)	4315 (42.1%)
Высшее образование	Нет	5846 (45%)	1396 (50.5%)	4450 (43.5%)
	Да	7155 (55%)	1367 (49.5%)	5788 (56.5%)
Безработный	Нет	8660 (66.6%)	1918 (69.4%)	6742 (65.9%)
	Да	4341 (33.4%)	845 (30.6%)	3496 (34.1%)
Высокий субъективный доход	Нет	8983 (69.1%)	1945 (70.4%)	7038 (68.7%)
	Да	4018 (30.9%)	818 (30.6%)	3200 (31.3%)
Судимость	Нет	12011 (92.4%)	2498 (90.4%)	9513 (92.9%)
	Да	990 (7.6%)	265 (9.6%)	725 (7.1%)
Был виктимный опыт	Нет	10238 (79%)		
	Да	2763 (21%)		
Насильственное преступление	Нет		2411 (87.3%)	
	Да		352 (12.7%)	
Имущественное преступление	Нет		2047 (74.1%)	
	Да		716 (25.9%)	
Удаленное преступление	Нет		1970 (71.3%)	
	Да		793 (28.7%)	
Покушение на удаленное преступление	Нет		2175 (78.7%)	
	Да		588 (21.3%)	